ВОСПОМИНАНІЕ О НАВОДНЕНІИ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

7-го Ноября 1824 года.

Мнѣ было тогда семь лѣтъ; я въ раннемъ возрастѣ лишился матери, и отецъ помѣстилъ меня пансіонеромъ въ семейство Ивана Егоровича Руммеля, учителя англійскаго языка при Морскомъ Кадетскомъ корпусѣ; онъ жилъ въ собственномъ домѣ на Васильевскомъ острову, на углу Средняго Проспекта и 14-ой линіи (Этотъ домъ, если не ошибаюсь, принадлежитъ теперь г-ну Габерцетелю). Семейство Ивана Егоровича Руммеля было не многочисленно; оно состояло изъ его жены Ульяны Карловны и замужней дочери ихъ, жившей вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, живописцемъ Боденомъ, во флигелѣ, выстроенномъ посреди довольно обширнаго сада, который образовалъ уголъ улицы. Домъ, въ которомъ жилъ самъ Иванъ Егоровичъ, былъ деревянный на каменномъ фундаментѣ съ подвальнымъ этажомъ и мезониномъ довольно высокимъ, такъ что изъ оконъ его хорошо было видно Смоленское поле, а съ помощью подзорной трубы и Галерная гавань. Въ домѣ обыкновенно вставали довольно рано, потому что къ девяти часамъ Руммель долженъ былъ находиться въ Корпусѣ, куда онъ обыкновенно отправлялся пѣшкомъ.

Въ этотъ день (7-го Ноября 1824-го года) мы встали рано по обыкновенію, и были удивлены страшнымъ вѣтромъ, который выл въ домовыхъ трубахъ; я слышалъ, какъ Руммель сказалъ женѣ: «Сегодня вода въ Невѣ подымется высоко, вѣтеръ дуетъ съ моря». Одѣвшись и напившись чаю, онъ пошелъ въ Корпусъ, а мы съ его женою долго смотрѣли вслѣдъ ему изъ угольнаго окна нашей залы. Мы видѣли, какъ старикъ медленно подвигался, идя противъ вѣтра по мосткамъ, настланнымъ посреди грязной немощеной улицы и служившимъ ей тротуаромъ. Мы слѣдили за нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не добрался до угла; онъ однако тотчасъ-же поднялся и поспѣшно скрылся изъ нашихъ глазъ за угломъ улицы. Вскорѣ послѣ того пришелъ Боденъ изъ флигеля и объявилъ, что Смоленское, поле, по разсказамъ людей, уже покрылось водой. Мы отправились въ мезонинъ, и дѣйствительно Смоленское поле представляло сильно взволнованное море. Будка, стоявшая посреди поля была уже до половины подъ водой, и Ульяна Карловна сильно безпокоилась о будочникѣ, не зная, успѣлъ-ли спастись этотъ бѣдный человѣкъ, а если еще нѣтъ, то какимъ образомъ онъ спасется; она также спрашивала Бодена, не зальетъ-ли вода и нашей улицы; но тотъ успокоилъ ее, говоря, что это едвали можетъ случиться: ибо отъ Смоленскаго поля, до насъ еще далеко! Вслѣдъ за этимъ онъ ушелъ къ себѣ домой, и мы сошли внизъ. Вѣтеръ все усиливался, вой и свистъ въ домовыхъ трубахъ все болѣе и болѣе насъ безпокоили; мы бѣгали отъ окна къ окну и вдругъ увидали, какъ съ флигеля сосѣдняго дома Машагина сорвало крышу. Ульяна Карловна, женщина очень впечатлительная и въ добавокъ нѣсколько суетливая, еще болѣе встревожилась и почему-то выбѣжала въ кухню, гдѣ служанка усилила ея безпокойство извѣстіемъ, что въ Кадетской линіи, какъ разсказываютъ люди, вода уже показалась на улицѣ. Тутъ Ульяна Карловна окончательно растерялась; она за-

рыдала, приговаривая:« Боже мой, что дѣлать? А Иванъ Егоровичъ въ Корпусѣ!» Я испугался и, не долго думая, побѣжалъ черезъ садъ во флигель къ тётѣ Боденъ, какъ я называлъ эту молодую женщину, которую притомъ очень любилъ. Дорогою я нѣсколько разъ падалъ, потому что вѣтеръ сбивалъ меня съ ногъ. Пришедши къ тётѣ Боденъ, я разсказалъ ей о случившемся и просилъ ее не медля прійти къ намъ; она сейчасъ же собралась со мной; надо было перейти небольшую часть мощеннаго двора, посреди котораго находилась желѣзная рѣшетка прикрывавшая канаву для стока нечистотъ; вода била изъ этаго отверстія, какъ изъ фонтана, и наконецъ хлынула съ такою силою, что мгновенно разлилась по всему двору. Это было часовъ около двѣнадцати дня. Въ домѣ мы застали сильную суматоху: Ульяна Карловна бѣгала по всѣмъ комнатамъ, выбирала комоды и шкафы; служанки носили вещи на верхъ, частью на чердакъ, частью въ мезонинъ. Ульяна Карловна сильно безпокоилась о мужѣ и беспрестанно толковала о томъ, какъ онъ вернется, да и вернется-ли онъ; она ахала и стонала, не переставая при этомъ выбирать вещи, которыя служанки переносили на верхъ. Я присоединился къ нимъ: меня эта суматоха очень занимала, и мнѣ вообще было очень весело. Дочь нѣсколько успокоила старушку, сообщивъ ей, что мужъ, вернувшись утромъ домой и предвидя, что будетъ наводненіе, распорядился перенесеніемъ вещей на чердакъ, а самъ отправился въ Корпусъ, чтобъ привести домой Ивана Егоровича, а если это окажется невозможнымъ, то по крайней мѣрѣ успокоить его на счетъ домашнихъ. Между тѣмъ вода прибывала не на шутку; на дворѣ она была уже по колѣно, и жильцы, помѣщавшіеся въ двухъ флигеляхъ на заднемъ дворѣ, явились къ намъ съ просьбою объ убѣжищѣ въ мезонинѣ. Черезъ нѣсколько времени, а именно около трехъ часовъ, вода показалась у насъ въ комнатахъ; пришлось намъ переселяться въ мезонинъ. Онъ состоялъ изъ четырехъ небольшихъ комнатъ, которыя вскорѣ наполнились народомъ; собралось тамъ человѣкъ около двадцати; кромѣ того по всѣмъ угламъ были разбросаны самыя разнородныя вещи. Изъ оконъ мезонина мы смотрѣли на Смоленское поле, представлявшее бушующее море; будки ужъ не было; ее должно быть снесло; но что сталось съ будочникомъ? На улицѣ плавали доски отъ снесенныхъ крышъ, собаки, коровы, лошади, въ томъ числѣ и пѣгая вѣчно грязная лошадь нашего сосѣда-лавочника. Ульяна Карловна и дочь ея, встревоженныя до отчаянія неизвѣстностію объ участи отца и мужа, молились. Я помню, что добрая и любимая мною Боденъ вызвала и меня въ уголокъ, говоря:« Ты дитя невинное, Господь услышитъ твою молитву!» И я молился усердно и вмѣстѣ съ ней плакалъ и подымалъ свои ручонки къ небу. День уже начиналъ клониться къ концу; тутъ одно происшествіе на время обрадовало и заняло всѣхъ. Кто- то увидалъ будочника, который, сидя верхомъ на крышѣ, сорванной съ его будки, приплылъ въ нашу улицу, правя длинной палкой служившей ему багромъ. Ульяна Карловна съ характерестическою своею живостью, опредѣлила, что это непремѣнно будочникъ съ Смоленскаго поля и распорядились, чтобы ему изъ окна мезонина была спущена веревка, по которой несчастный, весь мокрый и окоченѣвшій,

отъ холода, вскарабкался къ намъ; его повели въ другую комнату и дали ему бѣлья и одежды. Распоряженіе и сысканіе всего нужнаго заняло женщинъ; онѣ распрашивали будочника, какимъ образомъ онъ спасся и удивлялись, что никому еще не пришло въ голову принять его къ себѣ. Такъ насталъ вечеръ, и уже смерклось, но ни Руммеля, ни Бодена еще не было, и женщины опять начали отчаяваться и плакать; а такъ какъ стало темно, то заплакалъ и я, ибо очень любилъ старика Руммеля, который былъ весьма образованный человѣкъ, имѣвшій особый талантъ занимать и учить дѣтей, потому я всегда съ нетерпѣніемъ ждалъ его урока, что̀ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ справедливости сказаннаго, ибо дѣти моего возраста обыкновенно не охотно принимаются за книги. Наконецъ, часовъ около шести вечера, послышались стукъ и голоса въ передней, въ которую выходила лѣстница, ведшая къ мезонину; побѣжали со свѣчами внизъ, гдѣ всё еще стояла вода, но уже нѣсколько меньше и встрѣтили вернувшихся Руммеля и Бодена, которые, представивъ себѣ отчаяніе оставшихся дома женъ, пришли домой изъ Кадетской улицы, пробираясь по горло въ водѣ. Они могли добраться домой только благодаря тому, что воды къ вечеру значительно убыло; но былъ моментъ, когда она доходила на нашей улицы до трехъ аршинъ вышины. Ихъ тотчасъ-же раздѣли, уложили въ постель, натерли спиртомъ и напоили горячимъ.

Что̀ именно они разсказывали, не помню; помню только, что опасность для нихъ возрастала по мѣрѣ того, какъ они приближались къ дому, ибо вода становилась всё глубже и глубже; они было уже рѣшились вернуться въ Корпусъ, откуда ихъ не хотѣли пустить въ такое опасное время, но безпокойство о семействѣ и желаніе узнать, что̀ сталось съ нимъ, заставили ихъ продолжать путь, рискуя на каждомъ шагу своею жизнію. Дорого обошлась бѣдному Руммелю эта прогулка; его здоровье съ тѣхъ поръ такъ разстроилось, что онъ тяжко заболѣлъ водяною, отъ которой скончался весною 1825 года. Дочь, нѣжно любившая его, не могла пережить такой потери и вскорѣ послѣ него, а именно въ Мартѣ, 1826-го года, мы и ее похоронили. Миръ вашему праху, любящія сердца, которымъ я такъ многимъ обязанъ въ грустномъ моемъ дѣтствѣ, лишенномъ заботливаго попеченія и любви матери. Никогда я не забуду васъ: благодарность моя не только не остыла съ теченіемъ времени, но постоянно возрастала по мѣрѣ того, какъ развитіе зрѣлыхъ лѣтъ дало мнѣ возможность вполнѣ осмыслить то, что̀ безсознательно таилось въ дѣтской душѣ. Пусть это чувство, высказанное нынѣ слишкомъ сорокъ лѣтъ спустя, замѣнитъ тѣ цвѣты, которые ребенокъ посадилъ на вашей могилѣ.

Стало поздно, и меня уложили спать; что̀ происходило ночью, не знаю; думаю однако, что ничего особеннаго не случилось, иначе я узналъ бы объ этомъ. На слѣдующее утро, первый мой шагъ былъ къ окну: на улицахъ воды не было, остались однѣ замерзшія лужи, и пѣгая лошадь, чисто омывшаяся, ходила по улицѣ; всѣ мы одѣлись и пошли посмотрѣть на картину разрушенія. Дома, большею частью, были одноэтажные; всѣ они опустѣли, окна во многихъ мѣстахъ были выбиты, иные дома стояли безъ крыши, улицы были наполнены самыми разнообразными вещами; тутъ

были: доски, крыши, бочки, стулья, дрова, сѣно, солома, размокшій хлѣбъ, утонувшій скотъ и всякая домашняя утварь. Въ иныхъ мѣстахъ улицы были покрыты строеніями, выстроенными на столбахъ, поднятыми водою и унесенными вѣтромъ. Въ нашъ садъ такимъ образомъ приплыла баня и въ ней коза, привязанная на веревкѣ, средина-же сада была покрыта крышею, приплывшею Богъ знаетъ откуда. Скота погибло много, но и людей не пощадила взволнованная стихія; морозъ ночью былъ сильный, ибо ледъ на замерзшихъ лужахъ не гнулся и не ломался; стужа погубила много несчастныхъ, которые не успѣли укрыться отъ нея. Помню одну печальную картину, которая представилась намъ около Смоленскаго кладбища, находящагося у Черной рѣчки, недалеко отъ насъ. Двѣ женщины, одна старушка, другая молодая, вѣроятно мать и дочь, сидѣли въ небольшой худой лодкѣ и старались вѣроятно пробраться куда-либо къ добрымъ людямъ, что было видно по привязаннымъ къ лодкѣ весламъ. Наконецъ, вѣроятно дойдя до изнеможенія, старушка положила голову на колѣни молодой, прижавшейся въ уголъ лодки, и въ такомъ положеніи обѣ замерли. Вблизи отъ Смоленскаго кладбища вода не пощадила даже зарытыхъ въ землю гробовъ, которые валялись по улицамъ и у моста, ведущаго черезъ Черную рѣчку.

Мы вернулись домой. Около трехъ часовъ, происшествіе весьма трогательное вызвало меня на улицу: нашъ Государь, добрый и человѣко-любивый Александръ Павловичъ явился на улицахъ, и вслѣдъ за нимъ возы съ хлѣбомъ, который раздавали всѣмъ просящимъ безъ исключенія.

Мы долго еще жили въ мезонинѣ, занимаясь, сколько возможно, очисткою и просушкою комнатъ, и только къ Рождеству перешли въ наше прежнее помѣщеніе.

Б.